

СОЛОВЕЦКИЕ БЛИКИ В БИОГРАФИИ А. С. ПУШКИНА

Угроза ссылки в Соловецкий монастырь нависла над Пушкиным в апреле 1820 г. Наказание поэту по ходатайству его друзей было смягчено, но с тех пор Соловки не могли не возбуждать его особый интерес. Сведения об этих местах Пушкин мог почерпнуть из книг, сохранившихся в его библиотеке: «Землеописание Российской Империи <...> Профессора Евдокима Зябловского. В Санктпетербурге. При Императорской Академии Наук. 1810 года» (Ч. 3. С. 505—509) и «Описание Архангельской губернии, ея городов и достопримечательных мест, со многими древними историческими известиями и замечаниями, к дополнению Российской Истории служащими, из разных рукописных и печатных книг монастырских церковных Архив, из достоверных словесных преданий и других несомнительных источников, с приобщением Архангельской Губернии карты, плана и вида города Архангельска, собранное в Архангельске С. Козмою Молчановым и изданное Главным Правлением Училищ. В Санктпетербурге. При императорской Академии наук. 1813 года».

Ни Зябловский, ни Молчанов, однако, не сообщали, что Соловецкая обитель использовалась в качестве тюрьмы по действовавшему указу Екатерины II для буйных и непокорных детей из дворянских семей, разве лишь Молчанов однажды проговаривается: «Башен в сем замке восемь: 1. От запада, Корожная с северного конца круглая, под которою была престрашная вовсе глухая подземная тюрьма» (с. 277).¹

¹ В ней одно время содержался А. С. Горожанский, единственный из декабристов, сосланный за «разные дерзостные слова на особу его величества» в Соловецкий монастырь из Кизила, куда он был отправлен на службу после четырехлетнего заключения в Петропавловской крепости. См. о нем: *Декабристы: Биографический справочник* / Изд. подгот. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 56, 248—249; *Попов А. А. Декабристы-псковичи*. Л., 1980. С. 7—40.

Но об использовании северного монастыря в качестве тюрьмы для дерзких вольнолюбцев в обществе было хорошо известно, хотя Александр I как-то заметил: «Ссылные (соловецкой) обители — не преступники, а несчастные, впавшие только в духовное заблуждение».² Очевидно, такие «заблуждения» были им усмотрены в эпиграммах, которыми, по мнению императора, Пушкин «наводнил всю Россию».

В одной из своих программ автобиографических записок, набросанной в Болдине в октябре 1830 г., Пушкин, обозревая главные исторические вехи своего рода, в частности, помечает: «Пушкины при Екатерине» (ПД 136). Не вызывает сомнения тот факт, что из семейных преданий поэту было известно, что в 1772 г. появился указ Екатерины II, который гласил: «По произведенному здесь в Санктпетербурге следствию, бывшие капитан Сергей и мануфактур-коллегии член коллежский советник Михайла Пушкины с их сообщниками оказались и сами повинились в воровском умысле к подделыванию под государственныя банковые подложных ассигнаций, из коих Сергей пойман с приготовленными к тому же инструментами. И хотя в самом деле коварного сего умысла не исполнили, однакож по законам присуждены за сие воровское предприятие к смертной казни...». Едва ли была основательна здесь ссылка на «законы», так как впервые введенные в России ассигнации злоумышленники, по официальной версии, подделать не успели (усматривался лишь «умысел»),³ но высочайший указ был разослан по всем губерниям России во устрашение впредь другим возможным мошенникам. Сами же виновники были императрицей помилованы: Михайла Пушкин был сослан в Тобольск, а Сергей заключен сначала в Пустозерск, а в 1781 г. был переведен в Соловецкий монастырь, где и скончался в 1795 г. Смягчение наказания, однако, сопровождалось особым указом, в котором предписывалось «публиковать во всей империи, чтоб обоих сих преступников нигде и ни в каких делах не называть Пушкиными, но бывшими Пушкиными». Столь уникальное событие, в котором были замешаны его дальние родственники, не могло не привлечь внимание А. С. Пушкина.

Сохранилось глухое известие о том, что еще в начале XIX в. некий писец сольвычегодского управления утверждал, что в местном архиве имелись документы (впоследствии так и не обнаруженные), предписывающие исправнику приготовиться

² Иванов А. П. Соловецкие узники // Соловецкие острова. 1926. № 5—6. С. 189.

³ Впрочем, подобная оговорка («подделать не успели») могла быть использована, дабы не подрывать доверия обывателей к бумажным деньгам.

к прибытию Пушкина,⁴ — очевидно, вовсе не Александра Сергеевича, а все того же Сергея Алексеевича *не-Пушкина*: Сольвычегодск тоже использовался как место ссылки и был перевалочным пунктом для препровождаемых в северные «места отдаленные».

А. С. Пушкин снова вспомнил о Соловках, когда по прибытии в Михайловское произошла его ссора с отцом. 31 октября 1824 г. поэт пишет В. А. Жуковскому: «...кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я *его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить...* Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем...».⁵

Не случайно год спустя, работая над трагедией «Борис Годунов», Пушкин вспомнит почерпнутую в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина деталь; там было отмечено, что, еще не подозревая о политической интриге Григория Отрепьева, царь, узнав о его вольных речах, велел «отправить безумца в Соловки или в Белозерские пустыни, будто бы за ересь, на вечное покаяние».⁶ Пушкин отступает от документа. В сцене «Палаты патриарха» Иов, узнав о побеге Гришки Отрепьева из Чудова монастыря с угрозой «буду царем на Москве», считает, что «нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя». Но о Соловках поэт не забывает, вкладывая в уста патриарха приказ: «Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние» (VII, 24).

Впрочем, некий соловецкий отблеск различается в самом замысле пушкинской драмы. Сохранилось такое ее первоначальное стилизованное заглавие:

Комедия
о настоящей беде Моск(овскому) Госуд(арству)
о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве —
[сочинено [А] Валерианом Палицыным]
в лето 7333
[В] На городище Ворониче.⁷

⁴ См.: Стрежнев И. «К студеным северным волнам...»: А. С. Пушкин и Беломорский Север: Литературно-краеведческие очерки. Архангельск, 1989. С. 65—66.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. С. 116. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием номера тома и страницы.

⁶ Карамзин Н. М. Соч. Л., 1984. Т. 2. С. 360.

⁷ Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 73.

Строка об «авторе» была здесь сразу же зачеркнута, и сверху помечено:

писано бысть Алексаиккою Пушкиным, —

но первоначальная мысль поэта прикрыться псевдонимом сама по себе небезынтересна: «Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» было одним из самых ярких произведений о событиях Смутного времени. Замена имени «Авраамий» (Пушкин сначала и начал его писать: «А...») на «Валериан», — несомненно, не ошибка, а сознательная мистификация поэта: он уподоблял себя чуть ли не брату известного древнерусского книжника, некогда монаха, келаря, старца Соловецкого монастыря, в конце своей бурной жизни снова сюда возвратившегося, где и упокоился.⁸

И снова соловецкая тень вскоре коснется родственника Александра Пушкина. В 1826 г. подполковник в отставке, участник войны 1812 г. и кавалер, Павел Исаакович Ганнибал, с которым молодой поэт некогда встречался во время первого приезда в Михайловское в 1817 г., за сочувственные слова об осужденных декабристах — по доносу был выслан в 1826 г. в Сольвычегодск, откуда после ссоры с местным городничим, по высочайшему соизволению, был отправлен «под присмотр в Соловецкий монастырь». В архивах Соловецкой тюрьмы его дело значилось как «Дело № 1.171. О подполковнике Ганнибале. За буйство и дерзость 1827». Только после долгих хлопот Варвары Тихоновны, его бывшей жены, которая давно была с ним в разводе, через пять с половиной лет ему было позволено жить близ Петербурга, исключая столицы. П. И. Ганнибал в 1833 г. поселился в Луге, где и скончался в 1840 г.⁹

Последний раз в бумагах Пушкина Соловецкий монастырь был упомянут в середине 1830-х гг.: в подготовительном конспекте по истории Петра под 1702 г. отмечено посещение царем этой обители, а под 1709 г. — издание карты «окольности Архангельска с островом Соловецким».¹⁰

⁸ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: (XVII в.), ч. 1: А—З. СПб., 1992. С. 36—44. Соловецкий узник советского времени Д. С. Лихачев вспоминал: «Третья рота размещалась на втором и третьем этажах здания, в котором на первом этаже размещалась привилегированная первая рота. Здание фасадом выходило на площадь генеральных проверок (там, где у стены Преображенского собора находилась под металлическим балдахином могила Авраамия Палицына)» (Лихачев Д. С. Книга беспокойств: Воспоминания, статьи, беседы. М., 1991. С. 110).

⁹ Стрежнев И. «К студеным северным волнам...». С. 81—85.

¹⁰ Несколько ранее упоминание Соловков промелькнуло у Пушкина в «Путешествии в Арзрум», в размышлении о возможности прекращения кавказских

В пушкиноведении высказывалось предположение о том, что о Соловках речь идет в пушкинском наброске «Когда порой воспоми́нание...»:

...Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Под белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И холодной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг...

(III, 243)

Среди исследователей бытовало мнение, что здесь якобы описывался один из соловецких островов. При всей заманчивости такой версии мы не можем, однако, ее принять. Слово «тундра» в пушкинское время вовсе не связывалось непременно с пейзажем Крайнего Севера. Ср. в идиллии Н. И. Гнедича «Рыбаки», упомянутой в авторских примечаниях к первой главе романа в стихах: «...на Невские тундры роса опустилась».¹¹ Пейзаж, воссозданный у Пушкина, едва ли можно признать соловецким.¹²

войн: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедование Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре». Как установил И. В. Стрежнев (см.: *Стрежнев И.* «К студеным северным волнам...». С. 86—89), ошибочное сведение о месте заключения Шейх-Мансура (на самом деле он окончил свои дни в Шлиссельбургской крепости) Пушкин почерпнул в книге своего знакомого, С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (СПб., 1823).

¹¹ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956. С. 199.

¹² Ср.: Молчанов К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813: «Острова Соловецкие, иначе называемые Соловки, лежат под 64°40' широты и 53° долготы. Под именем Соловков считается шесть островов, то есть: собственно Соловецкий, Анзерский, или Когуев, два Максальмы и два Заяцкие. Соловки разделяются между собою узкими каналами, или так называемыми Сальмами. Острова Соловецкие: Муксульма и Заяцкие имеют берега низкие, а середины возвышенные; но Анзерский остров имеет берега возвышенные, а середину плоскую, кроме одного бугра, *Голгофою* называемого (...) Воздух на Соловках суровый так, что и в летнее время часто теплотою, которая бывает около 12 градусов Реомюровых, наслаждаться не могут (...) Тусклость воздуха редко бывает здесь прозрачна (...) Земля, составляющая монастырскую почву, есть дресва, полупережженный дресвелый камень, есть также небольшие пространства глинистые, пес-

Невероятно предположить и то, что при описании Соловков Пушкин не вспомнил бы о грандиозных очертаниях Соловецкой обители, традиционно отмечаемых во всех описаниях этих мест. Так, вспоминая ее посещение императором, в своей поэме «Петр Великий», несомненно известной Пушкину, помор М. В. Ломоносов писал:

Уже на западе восточными лучами
Открылся освещен высокими верьхами
Пречудных стен округ из диких камней град <...>
К сим строгим берегам великий Петр подходит.
Внимательный свой взор на здания возводит.
Из каменных бугров воздвигнута стена,
Водами ото всех сторон окружена...¹³

Краткое, но выразительное упоминание Соловецкой крепости Пушкин мог также заметить в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Мореход Никитин», напечатанной в «Библиотеке для чтения» в 1834 г. (ч. IV): «Ахнешь, брат, как повидишь, из каких громад сложены стены монастырские! Вышины, — взглянь, так шапка долой; толщины, — десять колесниц рядом проскачут; и каждый камень больше избы...».¹⁴

В наброске же «Когда порой воспоминанья...» А. А. Ахматова угадывала скорбное описание невского взморья — места тайного захоронения декабристов.¹⁵

Бывают странные сближения...

В 1937 г. до Соловков докатываются волны помпезного Пушкинского юбилея (столетия со дня смерти поэта) и новых узников встречает красное полотнище лозунга «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!». Философ П. А. Флоренский, здесь заточенный, писал, однако, дочери: «Получена газета, наполненная Пушкиным. Можно чувствовать удовлетворение, когда видишь хотя бы самый факт внимания к Пушкину. Для страны важно не то, что о нем говорят, а то, что вообще говорят; далее Пушкин

чаные и болотистые <...> Древесная листва, трава и самые согнивающие вообще растения, также помет птичий и звериный покрывают от времени до времени дресву черноземом. На острове Соловецком усматриваются из хвоистых деревьев сосна, ель и можжевельник; из лиственных: береза, осина, ольха, ива, рябина и черемуха; из плодовых кустарников: малина, черная и красная смородина, шиповник и дикий перец; из родящихся изобильно на мхах и болотах ягод: морошка и клюква, или так называемая жаравица. Из растущих по пригоркам: брусника, черница, голубель и вороница, грибы разных родов в изобилии прозябают» (с. 273—275).

¹³ Ломоносов М. В. Избр. произведения. М., 1986. Т. 2. С. 274.

¹⁴ Бестужев А. А. (Марлинский). Испытание: Повести и рассказы. М., 1991. С. 487.

¹⁵ См.: Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки. Л., 1977. С. 148—158.

будет говорить за себя и скажет все нужное. Но с этим удовлетворением связывается горечь, неразумная горечь о самом Пушкине. От нее не умею отделаться, но называю неразумной, потому что на Пушкине проявляется лишь мировой закон о побивании камнями пророков и постройке им гробниц, когда пророки уже побиты. Пушкин не первый и не последний...».¹⁶

Как здесь не вспомнить о событии на Соловках, происшедшем десятилетием ранее! К тому времени были арестованы бывшие выпускники Александровского лицея, о чем, в частности, рассказал А. И. Солженицын: «...или в том же (1925. — С. Ф.) году где-то в Париже собираются лицеисты-эмигранты отметить традиционный „пушкинский” лицейский праздник. Об этом напечатано в газетах. Ясно, что это — затея смертельно раненного империализма. И вот арестовываются *все* лицеисты, еще оставшиеся в СССР...».¹⁷

В 1927 г. некоторые из них оказались в УСЛОНе. И там справили-таки лицейскую годовщину.¹⁸ Достав три бутылки водки «рыковки», они одну из них отдали надзирателю, и тот открыл для них отдельную камеру. Там они спели традиционные лицейские «национальные песни» и хором читали ровно сто лет назад написанное Пушкиным стихотворение «19 октября 1827», концовка которого словно была буквально обращена именно к ним:

...Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

(III, 80)

¹⁶ Флоренский П. А. О литературе // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 76.

¹⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. Т. 1. С. 52.

¹⁸ Листов В. С. Об опыте работы над сценариями для документального кино // Киноведческие записки (в печати).